ЕСЛИ БЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ

Повесть

Рафаел Месропян

ԵԹԵ ՊԱՏԵՐԱԶՄ ՉԼԻՆԵՐ

Վիպակ

Ռաֆայել Մեսրոպյան

УДК 82-3
ББК 84
М 53

ЕСЛИ БЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ / РАФАЕЛ МЕСРОПЯН. – УФА: АЭТЕРНА, 2026. – 146 С.

Мне хотелось сохранить память.

Не только о любви двух молодых людей, которых разлучила война.

Мне хотелось сохранить память о поколении, которому пришлось взрослеть слишком быстро. О тех, кто защищал свой дом и своих близких. О тех, кто принимал беженцев. О тех, кто сам стал беженцем. И прежде всего — о тех, кто сложил голову за свою родную землю, за свои семьи, за безопасность детей, за возможность своего народа продолжать жить там, где жили его предки

По вопросам приобретения печатных экземпляров издания просим Вас обращаться по электронной почте rafaelmasis@icloud.com

RAFAEL RM

© Месропян Р., 2026

В авторской редакции

Подписано в печать 02.10.2026 г. Формат 60x90/16.
Печать: цифровая. Усл. печ. л. 08,50. Тираж 100. Заказ 2882.

Отпечатано в ООО «АЭТЕРНА»
450076, г. Уфа, ул. Пушкина 120 **https://aeterna-ufa.ru**
+7 (347) 266 60 68 **info@aeterna-ufa.ru**

ОТ АВТОРА

Эта история началась для меня задолго до того дня, когда я решил перенести её на бумагу.

В 1988 году мы ещё жили в Советском Союзе. Никто из нас не мог знать, что всего через несколько лет не станет страны, в которой мы родились, а привычный мир начнёт рушиться буквально на глазах.

В Степанакерте начались митинги, движение «Миацум». Потом пришли страшные известия из Сумгаита, из Баку, из других городов. Пролилась первая кровь. Насилие, словно зараза, стало расползаться по всему региону. Одни убивали других, другие отвечали тем же. И постепенно то, что ещё вчера казалось невозможным, становилось частью повседневной жизни.

Давид в то время был ещё школьником.

В 1990 году он окончил школу и приехал в Степанакерт поступать в институт. Ему было шестнадцать. В этом возрасте человек должен думать об экзаменах, друзьях, первой любви, строить планы и верить, что впереди у него целая жизнь.

Он поступил.

И встретил Армине.

Так начинается эта повесть.

Но вокруг их любви уже существовала совсем другая история — гораздо большая, тяжёлая и страшная.

В Нагорный Карабах приезжали армянские семьи, бежавшие из разных городов Азербайджанской ССР. Люди приезжали с детьми и стариками, зачастую практически без ничего. Им нужно было где-то жить, и комнаты в студенческих общежитиях отдавали семьям беженцев. Там, где прежде должны были жить студенты, теперь селились люди, потерявшие свои дома.

Потом стало ещё тяжелее.

Не было света. Не хватало продуктов. Переставал ходить транспорт. Степанакерт обстреливали, люди спускались в подвалы и постепенно привыкали жить там, где ещё совсем недавно никто не мог представить человеческую жизнь.

Давид вместе со своим близким другом в конце концов снял комнату в частном доме. Они просто хотели учиться. Хотели хотя бы немного отдалиться от всего происходящего и сохранить ту обычную студенческую жизнь, ради которой приехали в Степанакерт.

Но от войны невозможно снять комнату подальше.

Она всё равно приходит за тобой.

Пока Давид находился в Степанакерте, в его родной деревне родители принимали у себя других беженцев. В их доме жили люди из Геташена, Шаумяна — люди, которым уже некуда было возвращаться. Родители Давида делились с чужими людьми тем немногим, что имели сами.

А потом прошёл совсем небольшой промежуток времени — и произошло то, что мне до сих пор кажется одним из самых страшных символов тех лет.

Люди, которые вчера принимали беженцев в собственном доме, сами стали беженцами.

Район был захвачен. Семья Давида лишилась дома. Родители были вынуждены уехать.

Так война постепенно меняла людей местами.

Сегодня ты помогаешь человеку, которому некуда вернуться.

А завтра некуда возвращаться уже тебе.

Я знаю эту историю не по чужим рассказам.

Я помню многих людей, которые жили тогда. Помню лица, имена, характеры. Знаю одноклассников и однокурсников, друзей, знакомых. Знаю тех, кто погиб. Знаю, как они жили, кого любили, о чём мечтали и за что отдавали свою жизнь.

И именно поэтому первоначально я хотел написать не повесть.

Я хотел написать сценарий.

Потому что настоящих героев этой истории гораздо больше, чем Давид и Армине.

У Давида были друзья. Они вмешивались в его отношения, спорили с ним, давали советы, решали по-своему, достойна ли его эта девушка. У Армине были свои подруги, своё окружение, свои разговоры и свои представления о том, подходит ли ей Давид.

Так мы жили.

В этом тоже был наш армянский колорит: семья, друзья, мнение окружающих — всё переплеталось. Иногда друзья помогали, иногда мешали, иногда сами того не понимая меняли чужие отношения и судьбы.

За каждым из этих людей стояла своя история.

Поэтому мне трудно назвать их второстепенными персонажами.

Для повести пришлось выбрать две центральные фигуры — Давида и Армине — и провести читателя через то время вместе с ними. Но за пределами этих страниц осталось слишком много людей, событий и судеб.

Всех невозможно было вместить в одну книгу.

И, наверное, именно поэтому эта повесть для меня стала своего рода криком души.

Мне хотелось сохранить память.

Не только о любви двух молодых людей, которых разлучила война.

Мне хотелось сохранить память о поколении, которому пришлось взрослеть слишком быстро. О тех, кто защищал свой дом и своих близких. О тех, кто принимал беженцев. О тех, кто сам стал беженцем. И прежде всего — о тех, кто сложил голову за свою родную землю, за свои семьи, за безопасность детей, за возможность своего народа продолжать жить там, где жили его предки.

Я не хочу выделять одного и забывать другого.

Память не должна выбирать удобных героев.

Если Господь даст мне возможность осуществить эту мечту, я обязательно вернусь к этой истории уже как к сценарию.

Все подробности по-прежнему живут во мне. Многие имена я помню. Многие истории могу рассказать. И мне хотелось бы однажды перенести их на экран так, чтобы рядом с Давидом и Армине появились остальные люди того времени — не как фон, а как живые человеческие судьбы.

И если когда-нибудь по этой истории будет снят художественный фильм, мне хотелось бы только одного: чтобы его мог посмотреть человек любой национальности.

И понять.

Не чью сторону он должен принять.

Не кого он должен ненавидеть.

А понять, что происходит с обычным человеком, когда в его жизнь приходит война.

Потому что трагедия не спрашивает национальность.

Она просто входит в дом.

Ломает планы. Разлучает любящих. Делает детей взрослыми. Заставляет людей покидать места, где жили их отцы и деды. Оставляет матерей без сыновей, детей без родителей, людей — без дома.

А потом проходят десятилетия, и кто-то всё ещё пытается понять, какой могла бы быть его жизнь, если бы однажды за него не решили обстоятельства.

Я сознательно не хочу превращать эту книгу в разговор о политике.

Мне хотелось рассказать о людях.

Потому что какие бы причины ни назывались и какие бы решения ни принимались, в конце концов самую страшную цену платит обычный человек.

Слишком много человеческих судеб было сломано не по воле самих людей.

И мне хочется верить, что когда-нибудь мы научимся воспринимать чужую боль не как чужую.

Потому что где бы на земле ни происходила подобная трагедия, её нужно остановить прежде, чем очередной мальчик не вернётся домой, очередная семья

станет беженцами и ещё два человека через тридцать лет встретятся и зададут друг другу вопрос, на который уже невозможно получить ответ:

«А если бы не было войны?..»

Эту повесть я посвящаю своему народу.

Тем, кто сегодня рядом с нами.

И тем, кого уже нет.

Рафаел Месропян

ՀԵՂԻՆԱԿԻՑ

Այս պատմությունն ինձ համար սկսվել է շատ ավելի վաղ, քան այն օրը, երբ որոշեցի այն հանձնել թղթին:

1988 թվականն էր: Մենք դեռ ապրում էինք Խորհրդային Միությունում: Մեզանից ոչ ոք չէր կարող պատկերացնել, որ ընդամենը մի քանի տարի անց այլևս չի լինելու այն երկիրը, որտեղ ծնվել ու մեծացել էինք, իսկ մեզ ծանոթ աշխարհը մեր աչքի առաջ սկսելու է փլուզվել:

Ստեփանակերտում սկսվեցին հանրահավաքները, «Միացում» շարժումը: Հետո եկան Սումգայիթից, Բաքվից և այլ քաղաքներից հասնող սարսափելի լուրերը: Թափվեց առաջին արյունը: Բռնությունը վարակի պես սկսեց տարածվել ամբողջ տարածաշրջանում: Մեկը սպանում էր մյուսին, մյուսը՝ պատասխանում նույն կերպ: Եվ այն, ինչը դեռ երեկ անհնար էր թվում, աստիճանաբար դարձավ մեր առօրյայի մի մասը:

Այդ ժամանակ Դավիթը դեռ դպրոցական էր:

1990 թվականին նա ավարտեց դպրոցն ու եկավ Ստեփանակերտ՝ ինստիտուտ ընդունվելու: Տասնվեց տարեկան էր: Այդ տարիքում մարդը պիտի մտածի քննությունների, ընկերների, առաջին սիրո մասին, պիտի ծրագրեր կազմի ու հավատա, որ ամբողջ կյանքը դեռ առջևում է:

Նա ընդունվեց ինստիտուտ:

Եվ հանդիպեց Արմինեին:

Այստեղից էլ սկսվում է այս վիպակը:

Բայց նրանց սիրո շուրջ արդեն մեկ ուրիշ պատմություն էր ծավալվում՝ շատ ավելի մեծ, ծանր ու դաժան:

Ադրբեջանական ԽՍՀ տարբեր քաղաքներից փախած հայ ընտանիքները գալիս էին Լեռնային Ղարաբաղ: Գալիս էին երեխաներով, ծերերով, հաճախ՝ գրեթե դատարկ ձեռքերով: Նրանց ապրելու տեղ էր պետք, և ուսանողական հանրակացարանների սենյակները տրամադրում

էին փախստական ընտանիքներին: Այն սենյակներում, որտեղ պիտի ապրեին ուսանողները, այժմ բնակվում էին մարդիկ, որոնք կորցրել էին իրենց տունը:

Հետո ամեն ինչ ավելի ծանրացավ:

Լույս չկար: Սնունդը չէր բավականացնում: Տրանսպորտը դադարել էր նորմալ աշխատել: Ստեփանակերտը հրետակոծվում էր, մարդիկ իջնում էին նկուղներ և կամաց-կամաց սովորում ապրել այնտեղ, որտեղ դեռ երեկ ոչ ոք չէր պատկերացնի, որ կարելի է ապրել:

Դավիթն իր մտերիմ ընկերոջ հետ վերջապես մասնավոր տանը մի սենյակ վարձեց: Նրանք պարզապես ուզում էին սովորել: Ուզում էին թեկուզ մի փոքր հեռու մնալ կատարվողից և պահպանել այն սովորական ուսանողական կյանքը, որի համար եկել էին Ստեփանակերտ:

Բայց պատերազմից հեռու սենյակ վարձել հնարավոր չէ:

Պատերազմը միևնույն է գալիս ու գտնում է քեզ:

Մինչ Դավիթը Ստեփանակերտում էր, հայրենի գյուղում նրա ծնողները իրենց տանն ընդունում էին ուրիշ փախստականների: Նրանց տանն ապրում էին Գետաշենից, Ծահումյանից եկած մարդիկ՝ մարդիկ, որոնք այլևս վերադառնալու տեղ չունեին: Դավիթի ծնողներն օտար մարդկանց հետ կիսում էին այն քիչը, ինչ իրենք ունեին:

Շատ ժամանակ չանցավ, և տեղի ունեցավ մի բան, որն ինձ համար մինչ օրս մնում է այդ տարիների ամենացավալի խորհրդանիշներից մեկը:

Մարդիկ, որոնք երեկ իրենց տանն ընդունում էին փախստականներին, իրենք դարձան փախստական:

Շրջանը գրավվեց: Դավիթի ընտանիքը կորցրեց իր տունը: Ծնողները ստիպված եղան հեռանալ:

Այդպես պատերազմը մարդկանց տեղերով էր փոխում:

Այսօր դու քո դուռն ես բացում մեկի առաջ, ով այլևս տուն չունի:

Իսկ վաղը տուն չունես արդեն դու:

Ես այս պատմությունը գիտեմ ոչ թե ուրիշների պատմածից:

Հիշում եմ այդ տարիներին ապրած մարդկանցից շատերին: Հիշում եմ նրանց դեմքերը, անունները, բնավորությունները: Գիտեմ Դավիթի դասընկերներին, համակուրսեցիներին, ընկերներին ու ծանոթներին: Գիտեմ նրանց, ովքեր զոհվեցին: Գիտեմ՝ ինչպես էին ապրում, ում էին սիրում, ինչի մասին էին երազում և հանուն ինչի էին իրենց կյանքը տալիս:

Հենց դրա համար էլ սկզբում ուզում էի ոչ թե վիպակ գրել:

Ուզում էի սցենար գրել:

Որովհետև այս պատմության իրական հերոսները շատ ավելի շատ են, քան Դավիթն ու Արմինեն:

Դավիթն ուներ իր ընկերները: Նրանք խառնվում էին նրա հարաբերություններին, վիճում նրա հետ, խորհուրդներ տալիս, իրենց ձևով որոշում՝ արժանի՞ է այդ աղջիկը Դավիթին, թե՞ ոչ: Արմինեն էլ ուներ իր ընկերուհիները, իր շրջապատը, իր զրույցներն ու իր պատկերացումները՝ Դավիթն արդյո՞ք այն տղան է, որը համապատասխանում է իրեն:

Այդպես էինք ապրում:

Դրա մեջ էլ կար մեր հայկական կենցաղն ու բնավորությունը: Ընտանիքը, ընկերները, շրջապատի կարծիքը՝ ամեն ինչ իրար էր միահյուսված: Երբեմն ընկերներն օգնում էին, երբեմն՝ խանգարում, երբեմն էլ, իրենք էլ չհասկանալով, փոխում էին ուրիշների հարաբերություններն ու ճակատագրերը:

Այդ մարդկանցից յուրաքանչյուրն իր պատմությունն ուներ:

Դրա համար ինձ համար դժվար է նրանց երկրորդական կերպարներ անվանել:

Վիպակում ստիպված էի ընտրել երկու կենտրոնական կերպար՝ Դավիթին ու Արմինեին, և ընթերցողին այդ տարիների միջով տանել նրանց հետ: Բայց այս էջերից դուրս մնացին չափազանց շատ մարդիկ, դեպքեր ու ճակատագրեր:

Բոլորին մեկ գրքի մեջ տեղավորել հնարավոր չէր:

Եվ երևի հենց դրա համար այս վիպակն ինձ համար դարձավ մի տեսակ հոգու ճիչ:

Ես ուզում էի հիշողություն պահպանել:

Ոչ միայն պատերազմի պատճառով բաժանված երկու երիտասարդների սիրո մասին:

Ուզում էի պահպանել հիշողությունը մի սերնդի մասին, որին վիճակվեց ժամանակից շուտ մեծանալ: Նրանց մասին, ովքեր պաշտպանում էին իրենց տունն ու հարազատներին: Նրանց մասին, ովքեր իրենց դուռը բացում էին փախստականների առաջ: Նրանց մասին, ովքեր հետո իրենք դարձան փախստական: Եվ ամենից առաջ՝ նրանց մասին, ովքեր իրենց գլուխը դրեցին հայրենի հողի համար, իրենց ընտանիքների, երեխաների անվտանգության և իրենց ժողովրդի՝ նախնիների հողում ապրելու իրավունքի համար:

Ես չեմ ուզում մեկին առանձնացնել ու մյուսին մոռանալ:

Հիշողությունը չպետք է ընտրի՝ ում հիշել, ում՝ ոչ:

Եթե Աստված ինձ հնարավորություն տա իրականացնել այդ երազանքը, ես անպայման մի օր կվերադառնամ այս պատմությանը՝ արդեն որպես սցենարի:

Մանրամասները մինչ օրս ապրում են իմ մեջ: Շատ անուններ հիշում եմ: Շատ պատմություններ կարող եմ պատմել: Եվ կուզենայի մի օր դրանք տեղափոխել էկրան, որպեսզի Դավիթի ու Արմինեի կողքին իրենց տեղն ունենան նաև այն ժամանակների մյուս մարդիկ՝ ոչ թե որպես հետին պլան, այլ որպես կենդանի մարդկային ճակատագրեր:

Եվ եթե մի օր այս պատմության հիման վրա գեղարվեստական ֆիլմ նկարահանվի, ես միայն մի ցանկություն կունենամ՝ որ այն կարողանա դիտել ցանկացած ազգության մարդ:

Ու հասկանա:

Ոչ թե՝ ում կողմը պիտի բռնի:

Ոչ թե՝ ում պիտի ատի:

Այլ հասկանա, թե ինչ է կատարվում սովորական մարդու հետ, երբ պատերազմը մտնում է նրա կյանք:

Որովհետև ողբերգությունը ազգություն չի հարցնում:

Այն պարզապես մտնում է քո տուն:

Կոտրում է ծրագրերը: Բաժանում է սիրող մարդկանց: Երեխաներին ժամանակից շուտ մեծացնում: Մարդկանց ստիպում է հեռանալ այն վայրերից, որտեղ ապրել են իրենց հայրերն ու պապերը: Մայրերին թողնում է առանց որդիների, երեխաներին՝ առանց ծնողների, մարդկանց՝ առանց տան:

Հետո անցնում են տասնամյակներ, և ինչ-որ մեկը դեռ փորձում է հասկանալ, թե ինչպիսին կարող էր լինել իր կյանքը, եթե մի օր հանգամանքներն իր փոխարեն չորոշեին նրա ճակատագիրը:

Ես գիտակցաբար չեմ ուզում այս գիրքը քաղաքականության մասին խոսակցության վերածել:

Ես ուզում էի պատմել մարդկանց մասին:

Որովհետև ինչ պատճառներ էլ նշվեն, ինչ որոշումներ էլ ընդունվեն, վերջում ամենածանր գինը վճարում է սովորական մարդը:

Չափազանց շատ մարդկային ճակատագրեր կոտրվեցին ոչ այդ մարդկանց կամքով և ոչ էլ նրանց մեղքով:

Եվ ուզում եմ հավատալ, որ մի օր մենք կսովորենք ուրիշի ցավին չնայել որպես ուրիշի ցավի:

Որովհետև աշխարհի որ ծայրում էլ նման ողբերգություն տեղի ունենա, այն պետք է կանգնեցնել, քանի դեռ հերթական տղան տուն չի վերադարձել, հերթական ընտանիքը փախստական չի դարձել, և ևս երկու մարդ երեսուն տարի անց չեն հանդիպել ու միմյանց չեն տվել մի հարց, որի պատասխանը վերադարձնել այլևս հնարավոր չէ.

«Իսկ եթե պատերազմը չլինե՞ր...»:

Այս վիպակը նվիրում եմ իմ ժողովրդին:

Նրանց, ովքեր այսօր մեզ հետ են:

Եվ նրանց, ովքեր այլևս չկան:

Ռաֆայել Մեսրոպյան

ЕСЛИ БЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ

Повесть

Рафаел Месропян

СОДЕРЖАНИЕ

16 ГЛАВА 1. ДОРОГА В СТЕПАНАКЕРТ
18 ГЛАВА 2. БАБОЧКА
20 ГЛАВА 3. ИМЯ
22 ГЛАВА 4. ТЕПЕРЬ ОНИ СТУДЕНТЫ
24 ГЛАВА 5. БЕЛАЯ КАЛЛА
26 ГЛАВА 6. НЕ ХОДИ ЗА МНОЙ
28 ГЛАВА 7. ЧТО-ТО ЗДЕСЬ НЕ ТАК
31 ГЛАВА 8. ПОЗДНИЙ РАЗГОВОР
33 ГЛАВА 9. ВСЁ СТАЛО ЯСНО
35 ГЛАВА 10. РУКА В ТЕМНОТЕ
37 ГЛАВА 11. ПЕРВАЯ ЗИМА
41 ГЛАВА 12. ДОРОГА
44 ГЛАВА 13. СЕМНАДЦАТЬ
46 ГЛАВА 14. ЧЕРЕЗ ГОРЫ
50 ГЛАВА 15. МАМИН НАКАЗ
54 ГЛАВА 16. ОБРАТНЫЙ БИЛЕТ
58 ГЛАВА 17. В ПЛЕНУ У ВРЕМЕНИ
61 ГЛАВА 18. ВОСЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ
63 ГЛАВА 19. ЖИТЬ ДАЛЬШЕ
66 ГЛАВА 20. КРЕСТ
69 ГЛАВА 21. ТЕПЕРЬ ОНА…
71 ГЛАВА 22. ЕСЛИ БЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ

ГЛАВА 1
ДОРОГА В СТЕПАНАКЕРТ

Летом 1990 года Давиду было шестнадцать. Школа осталась позади, медаль, к которой он шёл все школьные годы, была получена, а впереди начиналась новая жизнь — Степанакерт, институт, филологический факультет. В шестнадцать лет будущее кажется огромным. Кажется, что оно начинается прямо за ближайшим поворотом и всё самое важное ещё только должно произойти. Но летом 1990 года дорога в Степанакерт уже была не просто дорогой. Война ещё не стала той войной, которую потом будут помнить по подвалам, обстрелам и разрушенным домам. Но она уже входила в повседневную жизнь. Пропадало электричество. Пустели магазины. Всё больше людей шло за

необходимым на народный рынок. На дорогах появлялись военные. Приходили известия о погибших. Появлялись беженцы. И всё же жизнь продолжалась.

Люди работали, женились, растили детей. Выпускники школ ехали поступать, и Давид был одним из них. Возле института в Степанакерте было много таких же, как он, вчерашних школьников. В руках — документы. Кто-то повторял материал, кто-то разговаривал, кто-то старался не показывать волнения. Давиду предстоял первый вступительный экзамен. Он готовился серьёзно. Вошёл в аудиторию, получил вопросы и начал отвечать. В такие минуты человек неожиданно остаётся один на один с собой. Вокруг люди, напротив экзаменаторы, но помочь уже никто не может. Остаётся только то, что ты знаешь, и способность собраться. Давид отвечал. Когда всё закончилось и он вышел из аудитории, напряжение отпустило не сразу. Результаты должны были объявить на следующий день. Оставалось ждать. Завтра он снова придёт в институт и узнает, как сдал свой первый вступительный экзамен. Тогда Давид ещё не знал, что результат этого экзамена окажется далеко не самым важным из того, что ждало его на следующий день. Потому что завтра он увидит её. Бабочку.

ГЛАВА 2
БАБОЧКА

На следующий день Давид снова пришёл к институту. Он пришёл узнать результат первого экзамена. Вокруг было шумно: абитуриенты искали свои фамилии, спрашивали друг друга, кто сколько получил, кто-то радовался, кто-то молчал. И тогда Давид увидел её. На ней было синее шифоновое платье, короткие тёмные волосы открывали лицо. Она двигалась так легко, и ему почему-то показалось, будто она не идёт, а порхает. Бабочка. Он ещё не знал ни её имени, ни откуда она приехала, ни куда поступает, ни какая у неё семья и какой характер. Не знал о ней ничего. Но произошло странное: среди десятков незнакомых лиц именно это лицо вдруг стало для него главным.

Утро было почти обычным, если не считать того, к чему люди уже начинали привыкать. У обочины стояла машина с военными, возле рынка спорили из-за привезённых продуктов, а кто-то говорил, что ночью снова слышали стрельбу. Разговоры вспыхивали и тут же гасли: люди всё равно шли по своим делам. Абитуриенты думали об экзаменах, родители — о детях, продавцы — о том, чем торговать завтра. Война ещё не занимала весь день. Она просто всё чаще попадалась на глаза, как чужой человек, который почему-то стал появляться слишком часто. Давид замечал это, но в то утро его тревожило другое — результат экзамена. А через несколько минут всё остальное и вовсе отступило.

Он смотрел на неё и не мог объяснить самому себе, почему возникло такое чувство — будто без этой души ему почему-то нельзя. Потом он вспомнил, зачем пришёл. Результат экзамена был хорошим. Впереди оставались другие вступительные испытания. Давид готовился, сдавал их и каждый раз, приходя в институт, невольно искал глазами синее платье и короткие тёмные волосы. Очень скоро он понял: Бабочка тоже абитуриентка. Значит, у него появился шанс увидеть её снова.

ГЛАВА 3
ИМЯ

Вступительные экзамены продолжались. Теперь Давид замечал её почти каждый раз, когда приходил в институт. Иногда она стояла с другими абитуриентами, иногда проходила по коридору, иногда исчезала прежде, чем он успевал придумать хоть какой-нибудь повод заговорить.

А потом однажды кто-то окликнул её: — Армине! Она обернулась. Так у Бабочки появилось имя. Армине — Давид повторил это имя про себя. Между ними постепенно возникли самые обычные короткие разговоры — те, которыми начинается знакомство двух людей, ещё ничего друг другу не обещавших. Они сдавали экзамены. Ждали результатов. И в конце концов оба узнали главное: поступили.

Иногда между экзаменами внезапно пропадал свет. Тогда в коридорах становилось темнее, кто-то ворчал, кто-то шутил, и через минуту разговор снова возвращался к поступлению. Никто не хотел отдавать тревоге больше места, чем она уже занимала. Молодые люди обсуждали оценки и будущую учёбу так, будто одного этого было достаточно, чтобы удержать прежний порядок жизни. Давиду тоже хотелось думать именно так. Пока существовали экзамены, списки поступивших и расписание занятий, казалось, что мир всё ещё стоит на месте.

Лето заканчивалось: ещё вчера они были абитуриентами, а теперь им предстояло стать студентами. А для Давида девушка в синем шифоновом платье уже перестала быть просто незнакомой Бабочкой. Теперь он знал её имя. Армине.

ГЛАВА 4
ТЕПЕРЬ ОНИ СТУДЕНТЫ

Начались занятия. Теперь Давиду не нужно было надеяться на случайную встречу возле института. Армине была рядом почти каждый день. Они слушали лекции, встречались в коридорах, разговаривали после занятий. В помещениях бывало холодно.

— Замёрзла?

— Нет.

— Врёшь.

— Почему?

— Потому что видно.

— А ты не замёрз?

— Я мужчина.

— И что?

— Мужчины не мёрзнут.

— Вообще?

— При девушках.

Армине рассмеялась.

Первое время институт спасал их своей обычностью. Звонки, аудитории, тетради, преподаватели — всё это создавало ощущение, будто за дверями ещё существует прежняя жизнь. Но иногда обычность давала трещину. Кто-то приходил позже, потому что не нашёл транспорт. Кто-то пропускал день, потому что дома ждали родных с дороги. В коридорах всё чаще говорили не только об учёбе. Одни обсуждали, где достать продукты, другие — какой дорогой безопаснее ехать домой. А потом открывалась дверь аудитории, начиналась лекция, и на сорок минут война словно оставалась снаружи.

Такие разговоры ничего не решали и ни к чему не обязывали. Но именно из них постепенно складывалась близость. За стенами института жизнь становилась всё тяжелее. Не хватало привычных вещей, случались перебои со светом и теплом, пустели магазины. Но молодость обладает удивительной способностью жить даже тогда, когда взрослый мир вокруг начинает рушиться. На курсе решили устроить вечер знакомства. С каждого собрали по три рубля. Три рубля — небольшая сумма, но для студентов и она имела значение. Кто-то думал о еде, кто-то о музыке, кто-то о том, как провести вечер. Давид думал об Армине. Он решил написать ей письмо. И подарить одну белую каллу.

Глава 5

Белая калла

Вечер получился простым. Небольшой стол, домашнее вино, музыка, разговоры, танцы. Никто не пытался устроить настоящий праздник — хотелось просто побыть вместе. Давид пришёл с тем, что приготовил заранее: одной белой каллой и письмом. Он дождался момента, когда смог подойти к Армине.

— Это тебе.

Она взяла цветок.

— Спасибо.

Давид протянул письмо.

— И это тоже тебе.

Теперь всё было сказано. Не вслух — на бумаге. В тот вечер Армине не дала ему ответа.

Даже этот маленький студенческий вечер пришлось собирать из того, что удалось найти. Никто особенно не жаловался. Наоборот, всем хотелось хотя бы несколько часов не говорить о том, чего не хватает, где снова пропал свет и кто не смог приехать. Когда заиграла музыка, люди засмеялись почти с облегчением. Молодость упрямо требовала своего: если вокруг становилось тревожнее, тем сильнее хотелось танцевать, шутить, влюбляться и хотя бы ненадолго делать вид, что завтра будет обычным днём.

Они оставались среди остальных студентов. Звучала музыка, люди разговаривали, кто-то смеялся. Но для Давида вечер уже разделился на две части: до письма и после. До него Армине могла только догадываться. Теперь она знала, что он её любит. А вот что чувствует она, Давид по-прежнему не знал.

ГЛАВА 6
НЕ ХОДИ ЗА МНОЙ

После того вечера Давид всё чаще ловил себя на одном и том же: где бы он ни был — в аудитории, в коридоре, возле института — взгляд сам искал Армине. Ему хотелось видеть её. Хотелось дождаться после занятий, пройти рядом хотя бы несколько минут, услышать её голос.

Иногда он просто шёл следом.

И однажды Армине остановила его:

— Не надо за мной всё время ходить.

Она сказала это прямо. Без намёков. Давид понял. И решил больше за ней не ходить. Но решение оказалось гораздо проще принять, чем выполнить.

Он любил её. И продолжал искать возможность увидеть её, подойти, поговорить.

Через некоторое время Армине снова сказала ему прямо:

— Слушай, мы с тобой не пара.

Сказано было ясно. Но для Давида этих слов оказалось недостаточно.

ГЛАВА 7
ЧТО-ТО ЗДЕСЬ НЕ ТАК

На следующее утро он, как обычно, стоял с ребятами перед институтом. Разговаривали, курили. И тут появилась Армине. Не одна. Рядом с ней шёл незнакомый мужчина. Давид сразу обратил на него внимание. Мужчина был очень высоким. Давид и сам был выше Армине, но незнакомец был выше даже его. Лысоватый, в длинном чёрном плаще — почти до самой обуви. Он шёл рядом с Армине, и первое, что подумал Давид: не пара. Не потому, что знал этого человека. Он вообще видел его впервые. Просто картинка не складывалась. Незнакомец проводил Армине почти до дверей института. Она вошла, а он развернулся и пешком пошёл обратно. Давид посмотрел на ребят.

Перед институтом теперь всегда было о чём говорить и кроме учёбы. Кто-то пересказывал ночные новости, кто-то спорил, какая дорога открыта, кто-то знал семью, у которой родственники не смогли вернуться домой. Но разговоры шестнадцати-семнадцатилетних всё равно быстро перескакивали на другое: на преподавателей, девчонок, футбол, сигареты. Человек удивительно быстро учится жить рядом с тревогой, если другого выбора ему не оставляют.

Те посмотрели на него. Никто ничего не понимал. После занятий Давид увидел того же мужчину снова. Он ждал Армине. Она вышла из института, подошла к нему, и они вместе ушли пешком. На следующий день всё повторилось. Потом ещё раз. И ещё. Так прошёл один день, потом второй, третий, четвёртый. Утром незнакомец приводил Армине в институт. После занятий встречал её. И они вместе уходили. Давид уже был весь на нервах. Он говорил об этом с друзьями, пытался понять, что происходит, но ответа не было. Наконец он не выдержал. В очередное утро мужчина снова проводил Армине до института. Она вошла внутрь, он развернулся и пошёл обратно. Давид догнал его.

— Я Давид.

— Гагик.

И тут Гагик сказал:

— Как раз я хотел с тобой поговорить. Хорошо, что ты сам подошёл.

Он объяснил, что Армине — его девушка. И по-дружески попросил Давида больше её не беспокоить. Она занята. Давид слушал его и не верил. Что именно он тогда ответил Гагику, спустя годы уже трудно было вспомнить. Но своё ощущение он помнил хорошо. Нет. Что-то здесь не так.

У Армине не было парня. По крайней мере, Давид ничего о нём не знал. И вдруг этот человек появляется из ниоткуда, каждый день приводит её в институт, встречает после занятий — и теперь спокойно сообщает: Я её парень. Давид выразил свои сомнения. Гагик ушёл. Следующие несколько дней Давид снова обсуждал эту историю с ребятами. Они тоже сомневались. Как такое возможно? Не было никакого парня — и вдруг появился. Откуда? Почему именно сейчас?

Но Давиду нужны были не догадки друзей. И не объяснения Гагика. Ему хотелось услышать ответ от самой Армине. Он снова попытался с ней поговорить. Армине отреагировала резко. Что ему ещё непонятно? У неё есть парень. Пусть он больше к ней не подходит. Не беспокоит её. Всё. Но Давид не сдавался. Он не знал, чем всё это может закончиться. Не знал, насколько серьёзно настроен Гагик. Да это было и не главное. Давиду хотелось одного: чтобы Армине сама объяснила ему, что происходит. Потому что картинка по-прежнему не складывалась. Видимо, каким-то образом Гагик узнал, что после первого разговора Давид всё равно не оставил Армине в покое.

Как именно — Давид не знал. Однажды утром Гагик снова проводил её до института. Армине вошла внутрь. А Гагик на этот раз не ушёл. Он направился к ребятам, среди которых стоял Давид. Подошёл прямо к нему.

— Давид, есть разговор. Отойдём в сторонку.

Они отошли. Ребята сразу насторожились. Решили, что Гагик хочет подраться с Давидом, и двинулись следом. Гагик оглянулся.

— Своим пацанам скажи, пускай за нами не ходят. Мы просто разговариваем.

Давид остановил друзей. Они с Гагиком отошли вдвоём.

И тогда Гагик сказал:

— Я хочу тебе сделать последнее предупреждение по-человечески. Оставь её наконец в покое. Иначе будет плохо.

На этом разговор закончился. Гагик ушёл. Позже Давид рассказал обо всём ребятам. Те отреагировали сразу:

— Только пусть попробуют. Соберёмся — морду набьём.

Они были готовы за него вступиться. Но Давиду нужна была не драка. Не Гагик был главным. И даже его последнее предупреждение ничего не объясняло. Давид хотел услышать правду от Армине. Потому что одно дело, когда тебе говорят: «Оставь её в покое». И совсем другое — когда внутри тебя всё равно остаётся один и тот же вопрос: что здесь на самом деле происходит?